

Евгений Вдовин

Учётная запись

Евгений Вдовин

Учётная запись

<https://litres.ru/74688902>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиана — методист колледжа. Накануне аккредитации исчезают все её рабочие программы: в логах — её имя, на столе — лист с пометками её почерком. А в дневнике — страницы, датированные вечерами пятниц, которых она не помнит. Той же рукой. Но с дефисами вместо тире.

Кто-то три года писал её: водил рукой, ходил её телом по ночным коридорам. Каждый «помогавший» держал дверь: психолог с ванильным чаем, заместитель без ошибок в бумагах, писатель, который «всегда дома», незаметный сторож. В подвале — терминал вне реестров, а в архиве с будущей датой — двести восемнадцать файлов с одной фразой: «Я всё помню».

Но самый страшный пост написан не рукой врага. И самый честный голос назвался не врагом.

Это история о манипуляции без синяков и о единственном выходе вне сценария: не побег, не разоблачение — отказ.

Если в вашей жизни всё слишком гладко — не радуйтесь. Идеальный порядок — самое надёжное укрытие. Если застучит по трубе — постучите в ответ. Три раза. Как в детстве.

Евгений Вдовин

Учётная запись

Глава 1. Октябрь, который всё стёр

Октябрь в этом году был на редкость честным: не притворялся тёплой осенью, не тянул лето за рукав, а сразу, с первых чисел, расставил всё по местам. Холодный, прозрачный воздух звенел, как стекло, по которому стучат изнутри. По асфальту катились сухие кленовые листья — будто кто-то рассыпал медные монеты, и монеты эти не стоили ничего. Над городом висело низкое серое небо: не мрачное — строгое. Так смотрит не враг. Так смотрит тот, кто заранее знает, чем всё закончится, и молчит из вежливости.

Лиана вела внедорожник по заполненным улицам, и машина мягко глотала километры, будто берегла её силы для чего-то, о чём ей не сообщили. В салоне играла Akmal' — душевная песня, одна из тех, что она включала на автомате, не слыша. Пахло кожей и едва уловимой ванилью. Резких отдушек она не терпела, но эту купила по совету консультанта, и теперь запах стал частью утреннего ритуала — как сигнал, как разрешение начать день.

Зачем мне разрешение? — подумала она вдруг, и мысль показалась чужой, заимствованной, как пальто не её размера: сидит, а рукава короткие. *Я сама себя разрешаю.*

Она всегда так делала: ловила в собственной голове мыс-

ли, которые не помнила, чтобы думала. Отмечала их и отпускала — как отпускают на волю птицу, которую подозревают в том, что она приносила чужие письма. С некоторых пор в голове заходились фразы, похожие на чужие, — и она научилась не бояться, а просто считать. Считать — успокаивало. Считать — было единственным, что всегда оставалось при ней, даже когда всё остальное шелохнулось и перестало быть надёжным.

Было в этом и другое, о чём она не рассказывала никому, даже себе — особенно себе. Иногда утром, ещё до чая, она находила в себе состояние готовности: как будто она всю ночь к чему-то готовилась, репетировала, заучивала роль — и роль забыта, а готовность осталась. Тело помнило то, чего не помнила голова. *Это просто усталость*, — говорил кто-то внутри тёплым, экономным голосом. — *Не думай об этом*. И она не думала. До сегодняшнего дня.

На приборной панели ровно горели цифры: 7:43. Она всегда приезжала рано — до того, как колледж наполнится головами, хлопаньем дверей и бесконечным «а можно на минуточку?». Ранний час был её единственной собственностью, на которую никто не посягал. Сегодня она особенно дорожила им: завтра аккредитация. Комиссия. Папки. Люди с бейджами, которые смотрят не в глаза, а в программы. От того, насколько безупречно будут выглядеть её рабочие программы, зависело слишком многое.

Телефон мигнул раз, другой — она глянула краем глаза,

не отрывая взгляда от дороги. Сообщение от Максима: «Ты вчера вообще у проходной видела... нет, неважно, добралась?» Она перечитала дважды. У проходной — вчера? Максим иногда писал загадками, любил драматизировать: «И-и, Лиан, писатель я или не писатель». Прочтёт на парковке. И, свернув к парковке, она вдруг поняла, что не помнит, как отвечала ему в последний раз. И не помнит, о чём вообще был их последний разговор. Пустое место там, где по всем законам памяти должно было что-то лежать — гладкая выемка, как от вынутого из стены камня. Она снова отметила и отпустила. Считать до десяти. Она доехала на четырёх.

Припарковалась на привычном месте, у входа, где деревья прикрывали машину от солнца — сегодня им нечего было делать, солнца не было вовсе, — вышла, поправила пальто, глубоко вдохнула колючий октябрьский воздух. Вдох вышел неровным. «Просто день такой», — сказала она себе вслух, и собственный голос в тишине двора показался ей на полтона выше обычного.

Здание встретило её запахом хлорки и остывшего кофе — навсегда одинаковым и потому успокаивающим. В методическом кабинете было тихо и прохладно. Она включила настольную лампу — тёплый свет сразу сделал комнату чуть менее официальной, чуть более своей. Поставила сумку. Сняла пальто. И на секунду замерла.

Что-то было не так.

Она оглядела кабинет — как осматривают комнату, из ко-

торой кто-то ушёл, но не всё унёс. Стол. Стул. Окно. Шторы висели как всегда. Стопка тетрадей — как всегда. Всё было как всегда, и потому не так. Так не бывает, чтобы всё было как всегда: жизнь оставляет следы, мир припылен живым, а здесь всё было вытерто — и вытерто заботливо. Она усмехнулась себе: заезженная мысль, заезженная сто раз, — и села за стол. Открыла компьютер. Вошла в сетевую папку с рабочими программами.

Папка была пуста.

Не «почти пуста». Не «что-то пропало». Абсолютно, пугающе пуста. Ни черновиков, ни финальных версий, ни резервных копий с пометкой «аккред». Только две служебные папки — «Шаблоны» и «Архив 2026» — стояли ровно, как два надгробия.

Лиана моргнула, будто это могло что-то исправить. Ощущение было знакомое до тошноты: как проснуться в своей комнате и не найти дверей. Она щёлкнула по истории версий — и строка ударила в висок, как пощёчина:

«Удаление пользователем: liana (вчера, 19:47)».

— Этого не может быть, — прошептала она, и голос прозвучал в тишине кабинета как чужой. Не потому, что дрогнул. Потому что она сама не поверила, что это говорит она. — Я не удаляла. В это время я проверяла сочинения. У меня даже переписка с Марией есть...

Она схватилась за телефон, быстро открыла мессенджер, нашла тот вечер. Вот оно, 19:38 — она пишет Марии про

график практики. Значит, в 19:47 она не сидела за рабочим компьютером. Она вообще была дома. Она...

Она остановилась.

Она была дома. Откуда эта уверенность? Она попыталась восстановить вчерашний вечер — и вечер не поддался. Был чайник. Была, кажется, проверка сочинений — стопка была, тетради на месте, значит, проверяла. Но самого вечера не было. Была пустая комната, в которой она стояла, как человек, забывший, зачем вошёл. Лиана перебирала вчерашний день, как чётки, — и ладонь то и дело проваливалась: между 19:00 и сном была дыра. Не чернота — хуже. Гладкая, стерильная пустота, как будто кто-то вычистил час ластиком и не оставил даже крошек.

И — что было страшнее самой дыры — дыра не пугала. Она лежала в памяти удобно, подогнанная, как проглоченная горошина под матрасом принцессы: знала своё место, не ныла. Настоящие провалы в памяти болят. Этот — хозяйничал.

Люди не теряют час. Люди просто не запоминают скучное, — сказал кто-то у неё в голове ровным, заботливым голосом.

Кто это сказал?

Она не знала. Фраза была уютная, убедительная — и чужая, как ваниль, которую она выбрала, потому что ей «посоветовали».

«Это не ошибка системы, — подумала она медленно, по

слогом, словно диктуя кому-то, кто записывает. — Это не сбой. Это сделано. Кто-то зашёл под моей учёткой, стёр всё и оформил так, будто я сама всё удалила. Завтра аккредитация. Комиссия будет смотреть эти файлы. А файлов нет. И в логах — моё имя. Значит, они хотят не просто сорвать проверку. Они хотят, чтобы виноватой была я. Чтобы все смотрели не на содержание, а на то, что преподаватель сама всё снесла. Это не подстава. Это письмо. Кому-то нужно, чтобы я его прочитала».

Она открыла браузер, зашла на внутренний сайт техникума, в раздел «Образовательные программы». Там тоже было пусто: вместо списка модулей висела заглушка «Материалы обновляются. Приносим извинения за неудобства». Лиана смотрела на эти слова дольше, чем нужно. *Приносим извинения.* За что? За то, что у вас отняли три года работы? Извиняющийся тон был хуже всего. В нём слышалась вежливость палача — или рука, которая очень старалась казаться ничьей.

Словно кто-то взял и стёр не файлы. Стёр доказательства того, что она вообще что-то делала. Стёр её.

И тут она увидела на столе лист.

Он лежал ровно по центру — так, что его невозможно было не заметить, и так, что она была уверена: час назад его здесь не было. А4, её любимая бумага, чуть шероховатая — она держала в руках сотни таких и знала её на ощупь, как слепая знает азбуку. На листе — фрагмент её рабочей про-

граммы для второго курса. Тот самый модуль, который она собирала по крупицам, ночами, по слову. А поверх текста — пометки красным маркером: резкие, злые, нарочно грубые. «Не соответствует ФГОС». «Нет логики в последовательности тем». «(см. методичку 2026 г.)».

И самое страшное — пометки были сделаны её почерком. Точно её: тот самый наклон вправо, та самая петля в букве «д», привычка ставить точку после каждого пункта, даже если это не список.

Лиана смотрела на лист и чувствовала, как под ней медленно раскрывается земля — не провал, нет. Земля просто переставала быть твёрдой. Рука. Её рука. Позвонки помнят почерк лучше, чем мозг, — рука не умеет лгать. И рука писала то, чего она не писала.

Значит, я писала.

От этой мысли — короткой, четырёх слов — по спине прошёл холод. *А вдруг я правда это написала? А вдруг я вчера, в том пустом часе...* Она сжала пальцы. *Стоп.* Она вспомнила, как выверяла формулировки. Вспомнила, как называла папки — «Модуль 2. Финал. НЕ ТРОГАТЬ», потому что однажды их кто-то трогал, и она поставила это в имени файла, как замок. Вспомнила свой голос, читавший вслух в пустой квартире шестую тему, чтобы проверить ритм. Моя память — это единственное, что у меня осталось. И я не позволю им украсть её.

Но изнутри, снизу, из-под половицы сознания, что-то

шептало мягко и заботливо: *А как ты докажешь, что помнишь? Память — это тоже рассказ. А рассказы переписывают.*

Телефон тихо пискнул. Уведомление с внутреннего сайта «МАКС». Лиана не любила этот сайт — в нём всё было скользкое, как пол, только что вымытый чужой рукой, — но сейчас рука сама потянулась к экрану.

Анонимный пост: «Кто-нибудь проверял рабочие программы Лианы? Есть ощущение, что часть модулей просто скопирована. Прикладываю фрагмент с её пометками — она сама признаёт несоответствия. Что будем делать?»

К посту была прикреплена фотография того самого листа — того, что лежал сейчас перед ней. Фотографирован сверху, ровно, по центру. Угол — как у неё на столе. Один в один.

Как будто снимали здесь. Только что. Или вчера — в том пустом часу, в котором меня не было.

Под постом уже было восемь комментариев. Надежда Николаевна писала: «Я всегда чувствовала, что тут что-то не так». Кто-то предлагал поднять вопрос на педсовете. Ещё один голос: «А вдруг студенты получают дипломы по кривой программе?» Лиана читала комментарии, и они сливались в один ровный гул — гул толпы, которая уже всё решила и теперь лишь подбирает слова. Она не могла понять, чего в этом гуле больше: злобы или облегчения. Облегчения, что виновата не она, — обычное облегчение, из которого состоит любая травля: сначала падает кто-то другой, и это почти

радость.

Лиана посмотрела на лист ещё раз. И заметила то, что час назад не увидела бы никогда: на обороте, в нижнем углу, — едва заметный след. Круглый отпечаток — как от доньшка кружки, мокрой, только что поставленной. Бумага не была её. Её листы лежали в ящике, в папках. Этот принесли.

Кто-то сидел здесь. Недавно. Ставил кружку. Раскладывал её жизнь по центру стола.

Она подняла глаза на дверь. Дверь была закрыта. И всё же она вдруг поняла, чего именно ей не хватало всё утро, с момента, когда она вошла в кабинет, — почему «всё как всегда» казалось «не так».

Она не слышала собственного дыхания.

Лиана почувствовала, как внутри всё сжимается в тугую холодный узел. Это была не просто пропажа файлов. Это была продуманная, выстроенная подстава: фальшивые пометки её почерком, удаление под её учёткой, публичный пост, фотографирующий её стол, — и пустой час в её собственной голове, о котором она не могла рассказать никому, потому что «у меня пропал вечер» звучит не как алиби. Звучит как диагноз.

В дверях появилась Ольга Сергеевна. Она всегда приходила рано, чтобы успеть проверить графики производственной практики до начала суеты. Увидев лицо Лианы, она сразу остановилась — так останавливаются, когда замечают не слёзы и не крик, а то, что за ними: человека, переставшего

верить себе.

— Что-то случилось? — тихо спросила она, не подходя ближе, будто боялась спугнуть.

Лиана молча подвинула к ней лист. Ольга взяла его, прищурилась, пробежала глазами по пометкам, потом подняла взгляд на Лиану. И посмотрела так, как не смотрела ни разу за все годы: не на неё — в неё.

— Это не ты писала, — уверенно сказала она. — У тебя в каждом списке тире, а тут везде дефисы. Ты не можешь этого не замечать.

— Знаю, — ответила Лиана. — Но в чате уже обсуждают. И в логах написано, что файлы удалила я.

Ольга кивнула, будто услышала не жалобу, а задачу.

А Лиана в этот момент смотрела не на Ольгу. Она смотрела на свой телефон, где мигнуло новое сообщение от Максима — единственного человека в колледже, который относился к ней не как коллеге, а как другу. «Лиан. Я тебя умоляю. Не доверяй никому из тех, кто сегодня будет к тебе слишком добр».

И почему-то первым, кто открыл ей дверь и позвал к себе, была Мария Владимировна.

Глава 2. Дефис

Ольга не ушла. Она села напротив, положила на стол свои графики практики — так, будто они ей здесь и нужны, — и сказала только:

— Значит, так. Хронология. Если хотят подставить, в под-

ставе всегда есть шов.

Лиана открыла «МАКС» ещё раз. Время публикации поста — 20:12 вчера. Удаление в логах — 19:47. Всё сходится: сначала файлы, потом лист, потом пост. Аккуратно, последовательно, как по инструкции. Как по сценарию, написанному заранее, — и мысль эта мелькнула и лизнула её изнутри, холодным языком, прежде чем она успела её отогнать. *Сценарий. Откуда у меня это слово? Кто в этом техникуме пишет сценарии?*

— Смотри внимательнее, — Ольга наклонилась к экрану и коснулась ногтем первой строки под постом. — Комментарий Надежды Николаевны. Смотри время.

19:15. Комментарий «я всегда чувствовала, что тут что-то не так» был оставлен за полчаса до удаления файлов. За час до публикации поста. Никто не комментирует то, чего ещё не существует.

— Значит, кто-то знал заранее, — медленно сказала Лиана.

— Значит, это не импровизация. Это репетиция. — Ольга выпрямилась. — Теперь второй вопрос: кто может войти в сеть под твоей учёткой?

Ответ нашёлся быстрее, чем они рассчитывали. Денис — бледный сисадмин с вечными тёмными кругами — за десять минут выдал выгрузку: удаление выполнено не с рабочего компьютера Лианы. С терминала в читальном зале. Авторизация — под её логином, в 19:41.

— Камера над входом в читалку? — спросила Ольга.

— Не работает, — не глядя ответил Денис. — Год как. Говорили — не тратить бюджет.

Кто говорил, Денис не сказал. Но Лиана вспомнила голос — гладкий, вкрадчивый, звучащий на педсовете: «Не надо тратить деньги на ерунду». Павел. Советник директора по общим вопросам, который никого не спрашивал, когда его совет не был нужен.

Кто-то входил под моей учёткой в то место, где меня не было. Или туда, где я была — но не помню, — подумала она и отогнала мысль, как отгоняют взгляд от пропасти. Считать. Она стала считать по ступеням коридора — про себя, ровно, — пока они шли к телефону Марии. *Репетиция. Слово опять. Слово, которое я не выбирала.*

— А кто меня может подтвердить, что вчера в 19:47 меня не было в здании? — спросила она и сама услышала, как голос дрогнул.

Вчера с 18:00 до 19:00 у неё была беседа с Марией Владимировной. «Поддерживающая» — так Мария их называла с осени, когда Лиана пришла к ней с выгоранием. Единственный человек, чьё слово могло вытащить её, — психолог колледжа.

Мария подтверждала всё. Идеально. Слово в слово, вплоть до мелочей: во сколько Лиана пришла, во сколько ушла, о чём шла речь, как звучал чайник. Слишком идеально.

Так подтверждают не то, что видели. Так подтверждают сценарий, — подумала Лиана. И осекла себя: с каких это пор она Марии не верит? С сегодняшнего утра. С того утра, когда у неё всё было как всегда — и потому не так.

Файлы она вернула к ночи — из личного облака, о котором в техникуме не знал никто. «Сама себе на уме» — сейчас эта её черта впервые сыграла ей в плюс. Рабочая программа развернулась целиком, со всеми приложениями. Она сидела над экраном до половины второго и делала то, что запрещала себе весь вечер: перечитывала своё.

Приложение 3. Сведения о педагогических работниках. Её собственная строка. Диплом о профессиональной переподготовке, серия, номер, год. Курс, который три года назад «оформила» Мария — «не переживай, Лиана, я всё сделаю, тебе некогда бегать по инстанциям».

Номер был. Дата была. Печать, которую она тогда даже не рассматривала, была.

Она вбила номер в открытый реестр — тот, куда заглядывают работодатели, комиссии, прокуроры.

Записи не было.

Она вбила ещё раз, буква за буквой.

Записи не было.

Лиана откинулась на спинку стула и очень долго сидела неподвижно. Где-то за окном прошёл ночной автобус. Компьютер тихо гудел, как живой.

Теперь она понимала архитектуру этой ночи. Ей не дава-

ли упасть. Ей предлагали выбор, в котором оба выхода вели вниз. Не восстановит файлы — завалится завтра на аккредитации, и «методист, потерявший программы накануне проверки» будет выглядеть так, что никто не станет копать глубже. Восстановит — и, проверяя документы к комиссии, сама наткнётся на пустую строчку в реестре. И замолчит. Потому что за подделкой диплома стоит человек, который три года «помогал» ей вписываться в профессию. А рядом с этим человеком — советник директора с криминальным прошлым и директор, которая ворует всё.

Меня не подставили, — думала она, глядя в темноту окна. — Меня посадили в клетку из двух дверей. И обе двери вежливо открывают. Настоящая ловушка не та, из которой нельзя выйти. Настоящая — та, из которой выйти хочется. Куда бы ты ни вышел — ты уже там, где им нужно.

Лист с красными пометками лежал на столе не для комиссии. Он лежал для неё. Не улика — письмо.

Поздно ночью зазвонил телефон.

— Я видела тебя вчера у проходной.

Голос Максима был странный — севший, будто он весь вечер репетировал эту фразу и всё равно не успел к ней приготовиться.

— Ты шла через двор. В 19:20. Я окликнул. Ты не обернулась. Вообще — как будто тебя не было внутри. Я тогда подумал... — он осёкся. — Лиан, я думал, тебе просто плохо. Я не хотел вмешиваться. Прости меня.

— Максим. — Она услышала, как хрустнуло что-то в её собственном голосе. — В котором часу ты меня видел?

— Без двадцати восемь. Я стоял у входа в колледж. Лиан, ты прошла мимо меня в двух шагах. Я крикнул тебе. Ты не повернула головы.

Она положила трубку и сидела в темноте кухни.

Он видел её у проходной в 19:20. Она «была дома». Он видел её — и она не помнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.